

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-2-72-89–100

КОМПОЗИЦИЯ С ЛОСИХОЙ И ЩУКОЙ НА ПЕРИФЕРИИ НОВОРОМАНОВСКОЙ ПИСАНИЦЫ

И.В. Ковтун¹, И.Д. Русакова²

¹ *Независимый исследователь, Кемерово, Россия*
ivkovtun@mail.ru

² *Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница», Кемерово, Россия*
mirmes@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена композиции Новоромановской писаницы с уникальным изображением щуки. Плоскость с данным изображением находится на отдельно расположенном валуне у уреза воды и постоянно подвергается естественным деструктивным процессам. К настоящему времени представляется возможным атрибутировать четыре изображения: два лося, сердцевидную личину и щуку. По их расположению на плоскости можно предположить, что композиция изначально имела круговой характер. Рисунок щуки расположен вертикально по отношению к фигурам лосей. В статье рассматриваются специфика художественной передачи данного образа и его предполагаемые смысловые значения. Древним художником подчеркнуты особенности верхней и нижней челюстей и полосатый окрас туловища, присущие этому речному хищнику. Реконструкция семантики изображения щуки и всего сюжета осуществлена с привлечением данных субарктического мировоззренческого комплекса, главным образом на основе угро-самодийских мифологических повествований, где щука нередко связана с Нижним миром. Она выступает как хозяйка водоемов, как Дух воды, как тотемный предок-прародитель или психопомп. Особенно близок сюжет новоромановской композиции с селькупскими повествованиями о перерождении старого лося/лосихи в мифическую щуку, которая продолжает жить в таежных водоемах сотни лет. Хронологический диапазон новоромановской композиции с лосихой и щукой авторы статьи определяют в пределах эпохи бронзы. Аргументируется предположение о возможной сюжетно-смысловой близости изображения новоромановской щуки содержательно аналогичным образам, связанным с крохалевскими древностями, тем более что в материалах расположенного над Новоромановской писа-

Данные об авторах: Ковтун Игорь Вячеславович – доктор исторических наук, независимый исследователь; Русакова Ирина Дмитриевна – кандидат исторических наук, научный консультант КМЗ «Томская Писаница».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-49-420003 р_а и по Соглашению №24/2020 между Министерством образования и науки Кузбасса и ФИЦ УУХ СО РАН о предоставлении грантов из областного бюджета на выполнение проектов научных исследований от 21.12.2020.

ницей местонахождения Долгая I представлен крохалевский комплекс. В статье проводятся стилистические сравнения некоторых деталей новоромановских петроглифов с изображениями сейминско-турбинской эпохи.

Ключевые слова: Новоромановская писаница, шука, лосиха, мифология, эпоха бронзы, крохалевская культура, Долгая I

В 2008 г. в составе расположенной на правом берегу реки Томи Новоромановской писаницы была открыта и скопирована крайняя периферийная плоскость с петроглифами под условным обозначением НР VII.2. В отличие от прочих плоскостей памятника рисунки этого местонахождения нанесены на плоскую наклонную поверхность обособленного от прочих изображений крупного валуна, находящегося у самой воды (рис. 1). Очевидно, что во время ледоходов камень подвергается воздействию льдин, во время половодий затапливается. Поверхность валуна заметно сглажена; выбивка также чрезвычайно затерта. По фотографии камня с петроглифами, представляющей вид сверху (рис. 2), хорошо видно, что верхушка валуна отшлифована льдами и паводковыми водами. Таким образом, по остаткам выбивки в верхней части плоскости можно предположить, что за несколько тысячелетий стерлась значительная часть каменного «панно». Так, например, прослеживаются две согнутые передние ноги животного (рис. 3; 4), туловище которого полностью уничтожено тысячами ледоходами.

Плоскость покрыта множеством линий, представляющихся фрагментами древних, не определимых в настоящее время изображений. Частично или полностью сохранилось лишь четыре фигуры. Все изображения выполнены с помощью техники выбивки с последующей шлифовкой.

В левой нижней части плоскости изображен шагающий вправо лось (фигура 1), выполненный в силуэтной манере (рис. 4). Фигура сохранилась почти полностью, только ноги повреждены большой продольной трещиной и деструкцией камня.

Голова и туловище лося имеют плавные контуры, изображение зверя передано в динамике, а его детали по-своему изящны. Голова массивная, непропорционально большая по отношению к туловищу, с удлиненной пастью; рот приоткрыт. Показаны схематичная подтреугольная «серьга», два уха, расположенные буквой «V», плавно профилированный горб и согнутые задние ноги. Передние ноги кажутся выполненными другим человеком: они показаны достаточно неуклюже, прямыми, одна нога неестественно вытянута вперед. Запечатлена и такая не всегда встречающаяся деталь как короткий хвост зверя. Усматриваются признаки некоторой геометризации изображения.

Над крупом лося – частично сохранившееся изображение сердцевидной личины (фигура 2) (рис. 4): видны выступ, или «мысок», в верхней части контура, приоткрытый «подбородок», один глаз в виде округлого пятна.

Правее и выше фигуры лося (1) в силуэтной манере показано еще одно животное (фигура 3) (рис. 4), шагающее вправо и вверх по отношению к указанному изображению. Атрибутировать фигуру 3 сложнее: туловище и голова геометризованы и имеют подпрямоугольную форму. Можно лишь предположить, что это также лось.

Рис. 1. Фото валуна с петроглифами НР VII.2
Fig. 1. Photo of the boulder with petroglyphs NR in VII.2

Рис. 2. Фото валуна с петроглифами НР VII.2, вид сверху
Fig. 2. Photo of the boulder with petroglyphs in NR VII.2, top view

Правее представлено изображение рыбы (фигура 4), расположенное вертикально по отношению к фигуре 3 (рис. 4). Изображение контурное, вытянутая крупная голова с загнутыми вверх носом и нижней губой; туловище «разрисовано» поперечными линиями. Задняя часть туловища рыбы сохранилась плохо: остатки линий могут быть частями хвостового плавника, слегка подогнутого под тело. Не исключено, что был изображен не плавник, а вертикальные линии, представлявшие собой «ноги».

Расположение сохранившихся фигур удостоверяет круговую компоновку сюжетного повествования, хотя до наших дней сохранилась лишь часть этой композиции. Даже выбранная древними мастерами форма валуна если не предопределяет, то способствует подобному композиционному построению изображений. Аналогичная круговая передача многофигурного сюжета присуща еще одной плоскости памятника – НР IV.3 – с медведями, расположенными вокруг фигуры лося, и парциальной личной с поперечной полосой, напоминающей соответствующие окуневские изображения (рис. 5).

Подобные композиционные решения могут отражать присущие многим архаичным культурам нелинейные, циклические представления о течении реального и мифологического времени, обусловленные круговыми повторами календарных сезонов. Но главная примечательность рассматриваемой композиции обусловлена исключительно редким для наскального искусства Южной Сибири ихтиоморфным персонажем. Ранее предполагалось, что некоторые его детали сопоставимы с чертами стерляди¹. Но сейчас сложилось обоснованное убеждение, что это изображение щуки. Данное заключение удостоверяется особенностями нижней челюсти новоромановской рыбы и полосатым окрасом туловища, присущим этому речному хищнику. Сочетание данных признаков и нарочито гипертрофированная передача морфологии нижней щучьей челюсти указывают на стремление авторов рисунка придать ему узнаваемые черты образа щуки (рис. 6). В последнем случае не исключено особое внимание авторов изображения к этой части щучьей головы. Например, у селькупов считалось, что челюсти щуки обладают лечебными свойствами при лечении маленьких детей. Н.П. Григоровский также сообщает о почитании селькупам челюсти мифического животного кволикозара (рыбы-монта): «Вблизи села Кетскаго многие жители видали в лесу повешенную на дереве нижнюю челюсть щуки (которую у животных называют иногда салазками) в дар лозу за победу над этой щукою. Длину этой челюсти самовидцы определяют более лошадиной головы»². Нетрудно заметить, что в данном случае речь идет именно о нижней челюсти щуки, подобно тому, как авторы новоромановского рисунка также акцентируют внимание на выдающейся вперед нижней челюсти речного хищника.

По многочисленным этнографическим свидетельствам в субарктических и иных мифологиях щука нередко связана с Нижним миром. Щука соотносилась с хозяином водоемов, а зачастую сам хозяин воды и водоемов предстал в облике щуки. Нередко в щуку обращались и иные, чаще отрицательные, мифологические фигуры³. Так, в ненецком эпосе в облике Рогатой щуки предстает и даже ходит

¹ Ковтун, Русакова, Мухарева 2011, 141.

² Цит. по: Степанова 2008, 129–130.

³ Грыськ 1992, 57–59.

Рис. 3. Микалентная копия плоскости НР VII.2
Fig. 3. Mica paper copy the panel NR VII.2

Рис. 4. Прорисовка плоскости НР VII.2
Fig. 4. Drawing copy of the panel NR VII.2

Рис. 5. Прорисовка плоскости NP IV.3
Fig. 5. Drawing copy of the panel NR IV.3

дух воды Ид Ерв, железная щука Есядавы Пыри⁴. На священном лабазе лесных ненцев на р. Пусым-то имелся сундучок с фигуркой Щучьего бога⁵. В одном из ненецких сказаний старший из совладок Нижнего мира после его убийства героем превращается в щуку⁶. Интересный сюжетный поворот, при котором образ щуки обретается владыкой царства смерти после его собственной смерти.

Негативное представление о щуке бытовало и у селькупов, очищавших шаманские вещи дымокурор при сжигании на сковороде шерсти дикого оленя с жиром «белой» рыбы, т.е. пеляди и сига. Но не допускалось использование для этого жира щуки, т.к. «черная рыба духам не годится»⁷. У хантов зафиксировано представление о духе Сарт-лунг в виде огромной щуки, живущей в глубоких озерах и омутах. В гневе он был способен перевернуть и даже перекусить лодку. Другим сверхъестественным существом Нижнего мира представлялся Вэс – мамонт. Полагали, что Вэс «живет» в самых глубоких местах и переходит с места на место только в половодье. Он не рождается: в него превращается старая щука, у которой начали расти рога, или собака. У ваховских хантов представления о такой щуке

⁴ Харючи 2008, 284.

⁵ Сподина 2001, 83.

⁶ Головнев 1995, 423.

⁷ Пелих 1980, 24.

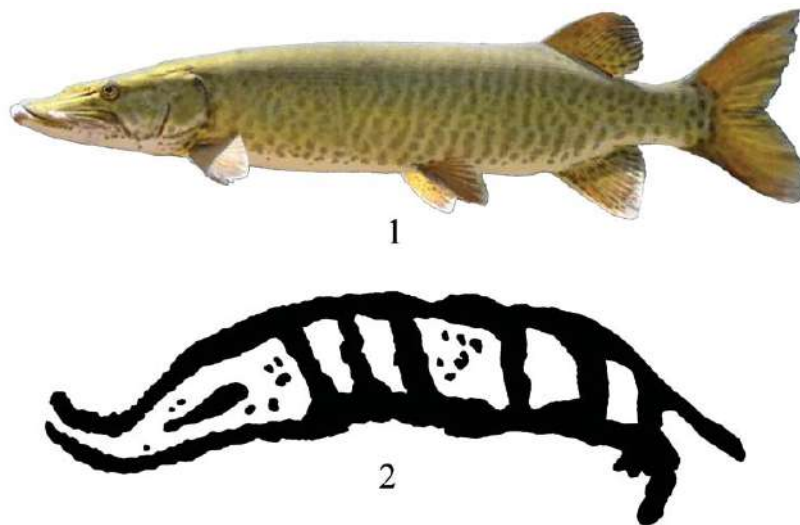

Рис 6. 1 – фото щуки, <https://onfishing.club/ryby/hishhnaya/shhuka/zubastaya.html>; 2 – про-
рисовка изображения рыбы с плоскости НР VII.2

Fig. 6. 1 – photo of a pike, <https://onfishing.club/ryby/hishhnaya/shhuka/zubastaya.html>; 2 –
drawing copy of a fish representation from the panel in NR VII.2

распространены довольно широко, и для ее обозначения имеется особый термин Антын-сарт – «рогатая щука»⁸.

В обско-угорских этнических наименованиях, связанных с тотемным предком-прародителем, выявлены два «щучьих» этнонима: «щука» – сойпах (хант.) – «щука (народ предка щуки)», сортын-ях (хант.) – «щучьи люди»⁹. Род Щуки известен и у лесных ненцев¹⁰.

В космогонических мифологиях многих народов рыбы представлялись фундаментальным основанием мироздания. У северных селькупов землю подпирают мамонты и «землю держащая на весу рыба», а самого мамонта представляли в образе огромной щуки с головой, поросшей зеленым мхом. Эвенки считали, что за крайней землей Нижнего мира находится вода, в которой плавают два окуня и две щуки, и на их спины опирается вселенная – буга, и т.д.¹¹

У эвенков щука выполняла функцию психопомпа, вслед за птицей перенося по реке душу умершего в Нижний мир:

В полночную сторону провожая душу,
Ночная птица на границе перенося,
В полночную сторону провожая в длинную ночь,
Душу в самой середине (главной шаманской) реки во рту пронесите!
В волнах реки сбрасывайте рога, быки!
Потом дальше пусть *щука* понесет!¹²

⁸ Кулемзин 1979.

⁹ Кручинина 2004, 14.

¹⁰ Сподина 2001, 8.

¹¹ Березкин, Дувакин 2018, <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>.

¹² Василевич (сост.) 1936, 140.

Небезынтересны селькупские представления о сочетании образов так называемой золотой рыбки, или летучей змеи-рыбы Мунга, преследующей и проглатывающей солнце и связанной с месяцем-Кандальдуком, с изображением оленя в комплексах шаманских предметов¹³. Возможно, их прообразы соотносимы с персонажами новоромановской сцены, сочетающей фигуры щуки и лосихи. Но еще более близким к смысловой комбинации новоромановской пары представляется селькупское повествование о перерождении старого лося / лосихи (а также шаманов и пожилых женщин) в мифическую щуку камня-эта. По сведениям Г.И. Пелих, селькупы верили, что старая лосиха никогда не умирает своей смертью. Ее можно убить, но своей смертью лосиха на земле не умирает. Чувствуя приближение смерти, лосиха идет к воде и уходит в воду, где превращается в камня-эта. Эти чудовища продолжают жить в таежных озерах сотни лет. Иногда камня-эта подплывает к самому берегу и смотрит в тайгу, вспоминая свою прошлую жизнь. В камня-эта смогут превратиться и старые шаманы. Селькупы не ловят и не убивают огромных таежных щук, не зная, кто перед ними – бывшая лосиха или их старая бабка (прабабка). Похожие данные сообщает и Н.П. Григоровский: «Когда лось проживет известное число годов и достигнет совершенной старости, тогда он изменяется и становится уже мамонтом. У него вырастают клыки, фигура его изменяется, и он приобретает способность жить и на суше, и в воде»¹⁴.

Не исключено, что истоки протофабулы этого селькупского мифологического повествования восходят к культурно-хронологическому содержанию рассматриваемой новоромановской композиции. Во всяком случае, вертикальное положение новоромановской щуки и ее пропорциональная сопоставимость с направляющейся к ней лосихой скорее подтверждают предположение о семантической определенности сцены. Возможно, не случайны и просматривающиеся «ноги»(?) этого мифологического образа с чертами главного хищника южно-сибирских рек.

О сравнительно узком временном периоде и культурной принадлежности рассматриваемых петроглифов пока возможно судить, главным образом, по косвенным основаниям. Изображение лосиной фигуры в «ангарском» стиле как будто исключает вероятность принадлежности композиции к эпохе раннего железа. На это же указывает и фрагмент сердцевидной личины. Как и «ангарские» лоси, подобные образы в Нижнем Притомье аргументированно датированы эпохой бронзы. Возврат к архаическим постулатам определения хронологии петроглифов «ангарской» традиции с новокаменного века¹⁵ не представляется обоснованным. Никаких оснований для датировки восточно- и западносибирских изображений «ангарского» стиля эпохой неолита как не было, так и нет. Поэтому в самых широких рамках хронологический диапазон новоромановской композиции с лосихой и щукой связан с эпохой бронзы.

Вероятно, наиболее ранние изобразительные свидетельства деификации образа щуки древними южно-сибирскими культурами найдены в одном из захоронений Туриста-2. На обнаруженной здесь накладке из полимерных материалов, как называют ее авторы публикации, была запечатлена полифигурная композиция

¹³ Например: Панкратова 2011, 89.

¹⁴ Цит. по: Степанова 2008, 55.

¹⁵ Зоткина и др. 2020, 80.

из трех полноростовых антропоморфов и двух щучьих голов¹⁶. Симметричные изображения голов щук помещены в основание композиции и переданы схватившими или изрыгающими фланкирующие антропоморфные фигурки. В этом изобразительном повествовании раскрываются представления предполагаемых крохалевцев о структуре и движущих началах мироздания. Состав и месторасположение действующих персонажей напоминают композиционно-знаковую формулу этиологического мифа, лежащего в основании мировоззренческой доктрины крохалевского социума. Соответственно, щуки или, скорее, одна щука, но в разных каденциях, представляется значимым участником этой космографической сцены и вышеупомянутого мифа¹⁷.

Объективно единственно возможная содержательная параллель новоромановской щуке – это щучьи головы композиции из Туриста-2. Данная аналогия позволяет предполагать сближение нижнетомской сцены с крохалевскими древностями, тем более что в материалах расположенного непосредственно над Новоромановской писаницей местонахождения Долгая I крохалевский комплекс представлен. Но пока приведенные доводы недостаточны для безусловного разрешения данной проблемы и остаются в качестве обоснованного предположения.

Ряд аргументов в пользу такой идентификации связан с параллелями другому зооморфному образу композиции, расположенному между лосихой и щукой. Задние ноги этого животного подогнуты под корпус, что в совокупности с геометризмом могло бы указывать на сравнительно позднее время рисунка. Но появление подобной позы у зооморфных персонажей восходит к известным образцам сейминско-турбинского искусства¹⁸. Поэтому не исключается и соответствующий хронологический диапазон данного изображения. Аналогично подогнутые задние ноги присущи лосю еще с одной новоромановской плоскости, где представлена композиция с личиной окуневского типа (рис. 5).

ЛИТЕРАТУРА

- Березкин, Ю.Е., Дувакин, Е.Н. 2018: *Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>.
- Василевич, Г.М. (сост.) 1936: *Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору*. Л.
- Головнев, А.В. 1995: *Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров*. Екатеринбург.
- Заика, А.Л., Басова, Н.В., Постнов, А.В. 2019: Антропоморфная многофигурная композиция из погребения на поселении Турист-2 в Новосибирске. В сб.: М.А. Дэвлет (ред.), *Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2)*. М.–Кемерово, 123–130.
- Зоткина, Л.В., Басова, Н.В., Постнов, А.В., Колобова, К.А. 2020: Фигурка лося с памятника Турист-2 (г. Новосибирск): особенности технологии и стилистики. *АЭАЕ* 4 (48), 75–83.
- Ковтун, И.В. 2012: *Конь и лыжник. Труды Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ IV*. Томск.

¹⁶ Заика и др. 2019, 124.

¹⁷ Ковтун 2019, 90–91, табл. 41–42; 98–103.

¹⁸ Ковтун 2012, 18–19, 117, табл. 3, 4, 5; 2016, 69–74.

- Ковтун, И.В. 2016: Сопкинско-каракольские кинжалы и сейминско-турбинская эпоха. В сб.: О.С. Советова (ред.), *Археология Южной Сибири* 27. Кемерово, 62–76.
- Ковтун, И.В. 2019. *Лунарные мифы Северо-Западной Азии (III–II тыс. до н.э.)*. Кемерово.
- Ковтун, И.В., Русакова, И.Д., Мухарева, А.Н. 2011: Предварительные результаты расчистки от лишайников петроглифов Новоромановской писаницы. В сб.: *Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы)* 1. Кемерово, 140–148.
- Кручинина, А.В. 2004: *Семантическое пространство обско-угорской и самодийской этнонимии*: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Тюмень.
- Кулемзин, В.М. 1979: Сверхъестественные существа в системе религиозных представлений васюганско-ваховских хантов. В сб.: Р.С. Василевский (ред.), *Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна*. Новосибирск, 211–221.
- Панкратова, Л.В. 2011: Запечатленные в бронзе образы Саровского культового комплекса: реконструкция семантики. *АЭАЕ* 1 (45), 82–91.
- Пелих, Г.И. 1980: Материалы по селькупскому шаманству. В сб.: Г.И. Пелих, Е.М. Тошчакова (ред.), *Этнография Северной Азии*. Новосибирск, 5–70.
- Сподина, В.И. 2001: *Представления о пространстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев Нижневартковского района*. Новосибирск.
- Степанова, О.Б. 2008: *Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе*. СПб.
- Харючи, Г.П. 2008: Защищающие природу табу. В сб.: М.Д. Люблинская (ред.), *Материалы 2-й международной конференции по самодистике (посвящается 100-летию со дня рождения Натальи Митрофановны Терещенко) 16–18 октября 2008 г.* СПб., 278–291.

REFERENCES

- Beryozkin, Yu.Ye., Duvakin, Ye.N. 2018: *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredeleniye folklorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskiy katalog [Thematic classification and distribution of folklore and mythological motifs by areas. Analytical catalog]*, <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>.
- Golovnev, A.V. 1995: *Govoryashchiye kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov [Speaking cultures: traditions of Samoyeds and Ugrians]*. Yekaterinburg.
- Kharyuchi, G.P. 2008: Zashchishchayushchie prirodu tabu [Nature-protecting taboos]. In: M.D. Lyublinskaya (ed.), *Materialy 2-y mezhdunarodnoy konferentsii po samodistike (posvyashchaetsya 100-letiyu so dnya rozhdeniya Natal'i Mitrofanovny Tereshchenko), 16–18 oktyabrya 2008 g. [Proceedings of the 2nd International Conference on Samoyed Studies (dedicated to the 100th anniversary of the birth of Natalia Mitrofanovna Tereshchenko), October 16–18, 2008]*. Saint Petersburg, 278–291.
- Kovtun, I.V. 2012: *Kon' i lyunik [Horse and skier]*. *Trudy Museya arkheologii i etnografii Sibiri TGU [Proceedings of Tomsk State University Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia]* IV. Tomsk.
- Kovtun, I.V. 2016: Sopkinsko-karakol'skie kinzhaly i seyminsko-turbinskaya epokha [Sopkinsk-Karakol daggers and the Seimin-Turbin epoch]. In: O.S. Sovetova (ed.), *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri [Archaeology of Southern Siberia]* 27. Кемерово, 62–76.
- Kovtun, I.V. 2019: *Lunarnye mify Severo-Zapadnoy Asii (III–II tys. do n.e.) [Lunar myths of North-West Asia (III–II thousand BC)]*. Кемерово.
- Kovtun, I.V., Rusakova, I.D., Muhareva, A.N. 2011: Predvaritel'nye rezul'taty raschistki ot lishainikov petroglifov Novoromanyvskoy pisanitsy [Preliminary results of clearing the petroglyphs of Novoromanovskaya pisanitsa from lichens]. In: *Naskal'noye iskusstvo v sovremennom obshchestve (k 290-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoy pisanitsy) [Rock art*

- in *Modern Society (on the 290th anniversary of the discovery of the Tomsk Pisanitsa)*] 1. Kemerovo, 140–148.
- Kruchinina, A.V. 2004: *Semanticheskoye prostranstvo obsko-ugorskoy i samodiyskoy etnonimii* [Semantic space of the Ob-Ugric and Samoyedic Ethnonymy]: avtoreferat dis. ... kand. filolog. nauk. Tyumen'.
- Kulemzin, V.M. 1979: Sverkhlestestvennyye sushchestva v sisteme religioznykh predstavleniy vasyugansko-vahovskikh khantov [Supernatural beings in the system of religious representations of the Vasyugan-Vakhov Khanty]. In: R.S. Vasilevskiy (ed.), *Drevnie kul'tury Sibiri i Tikhookeanskogo basseyna* [Ancient cultures of Siberia and the Pacific Basin]. Novosibirsk, 211–221.
- Pankratova, L.V. 2011: Zapechatlennyye v bronze obrazy Sarovskogo kul'tovogo kompleksa: rekonstruktsiya semantiki [Images of the Sarov cult complex depicted in bronze: reconstruction of semantics]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia] 1 (45), 82–91.
- Pelikh, G.I. 1980: Materialy po sel'kupskomu shamanstvu [Materials on Selkup shamanism]. In: G.I. Pelih, E.M. Toshchakova (eds.), *Etnografiya Severnoy Azii* [Ethnography of North Asia]. Novosibirsk, 5–70.
- Spodina, V.I. 2001: *Predstavleniya o prostranstve v traditsionnom mirovozzrenii lesnykh nentsev Nizhneartovskogo rayona* [Ideas about space in the Traditional Worldview of the Forest Nenets of the Nizhneartovsk region]. Novosibirsk.
- Stepanova, O.B. 2008: *Traditsionnoe mirovozzrenie sel'kupov: predstavleniya o krugovorote zhizni i dushe* [The traditional worldview of the Selkups: ideas about the cycle of life and the soul]. Saint Petersburg.
- Vasilevich, G.M. (ed.) 1936: *Sbornik materialov po evenkiyskomu (tungusskomu) fol'kloru* [Collection of materials on Evenk (Tungus) folklore]. Leningrad.
- Zaika, A.L., Basova, N.V., Postnov, A.V. 2019: Antropomorfhnaya mnogofigurhnaya kompozitsiya iz pogrebeniya na poselenii Turist-2 v Novosibirske [Anthropomorphic multi-figure composition from the burial at the Tourist-2 settlement in Novosibirsk]. In.: M.A. Devlet (ed.), *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii rannikh form iskusstva* [Visual and technological traditions of early art forms] 2. Moscow–Kemerovo, 123–130.
- Zotkina, L.V., Basova, N.V., Postnov, A.V., Kolobova, K.A. 2020: Figurka losya s pamyatnika Turist-2 (g. Novosibirsk): osobennosti tekhnologii i stilistiki. [Moose figurine from the Tourist-2 monument (Novosibirsk): features of technology and style]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia] 4 (48), 75–83.

COMPOSITION WITH ELK AND PIKE ON THE
NOVOROMANOVSKAYA PISANITSA PERIPHERY

Igor V. Kovtun¹, Irina D. Rusakova²

¹Independent researcher, Kemerovo, Russia

ivkovtun@mail.ru

²Kuzbass Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa", Kemerovo, Russia

mirnes@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the Novoromanovskaya pisanitsa composition with a unique image of a pike. The panel with this image is located on a separate boulder at the water's edge. It is constantly exposed to natural destructive processes. Now it is possible to attribute four

images: two moose, a heart-shaped face and a pike. According to their location on the panel, it can be assumed that the composition originally had a circular character. The pike pattern is positioned vertically in relation to the moose figures. The article deals with the specifics of the artistic transmission of this image and its intended semantic meanings. The ancient artist emphasized the features of the upper and lower jaws and the striped color of the body, inherent in this river predator. The reconstruction of the semantics of the pike image and the whole plot was carried out using the data of the subarctic worldview complex. It's mainly the Ugro-Samoyed mythology. The pike is often associated with the Lower World. She acts as the mistress of reservoirs, as the Spirit of water, as a totemic ancestor-progenitor or psychopomp. The plot of the Novoromanovo composition is particularly close to the Selkup narratives. It tells about the rebirth of an old elk/moose into a mythical pike that lives in taiga reservoirs for hundreds of years. The chronological range of the Novoromanovo composition with elk and pike is determined by the authors of the article within the Bronze Age. The assumption about the plot-semantic proximity of the Novoromanovo pike to the images associated with the Krokhelevsky antiquities is argued. Moreover, in the materials of the location of the Dolgaya I Site located above the Novoromanovskaya Pisanitsa, the Krokhelevsky complex is presented. The article presents stylistic comparisons of some details of the Novoromanovo petroglyphs with images of the Seimin-Turbin era.

Keywords: Novoromanovskaya pisanitsa, a pike, a moose, mythology, Bronze age, Krokhelevskaya culture, Dolgaya I
